

УДК 81'35; 81'26

Ф.Н. Даулет*, Г.Г. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы
*E-mail: fatima-dauletova@mail.ru

Кулинарные коннотации в казахском и китайском языках

Данная статья посвящена теме кулинарных кодов в казахском и китайском языках. Дается их сравнительный анализ, а также их классификация. Различия между образными выражениями обоих языков по кулинарной тематике дают представление об отличительных чертах каждой из культур.

Ключевые слова: кулинарные коннотации, образные выражения, еда, кулинарные фразеологизмы.

F.N. Daulet, G.G. Shaimerdenova

Gulinary codes in kazakh and chinese languages

This article is devoted to the theme of culinary codes in Kazakh and Chinese languages. Comparative analysis, as well as their classification are given here. Differences between figurative expressions in both languages on culinary topics give an idea about the distinctive features of each culture.

Key words: culinary connotations, figurative expressions, food, culinary idioms.

Ф.Н. Даулет, Г.Г. Шаймерденова

Қытай және қазақ тілдеріндегі аспаздық коннотациялар

Берілген мақалада қытай және қазақ халықтарындағы аспаздық коннотациялар салғастыру нысанына айналған. Екі тілден алынған мысалдар арқылы аталмыш екі халықтың материалдық мәдениетіндегі ұқсастықтар мен айырмашылықтар көрсетіледі.

Түйін сөздер: аспаздық коннотациялар, ас, аспаздық фразеологизмдер.

Китайскую цивилизацию можно смело называть цивилизацией еды, где существует культ еды и еда играет роль в культуре. В этом можно легко убедиться, взглянув только на словарный фонд китайского языка. В нем – трудно скрываема, порой изошренная любовь к еде и ко всему, что касается ее. «Живешь у горы – питайся тем, что есть на горе, живешь у воды, питайся тем, что есть в воде» – утверждает древняя китайская мудрость. Еще одно изречение «Нет ничего несъедобного, есть только плохие повара» отчетливо подчеркивает отсутствие пищевых запретов, и добавление в пищу абсолютно всех даров природы.

Любовь к еде у китайского народа доходит до фанатизма. Пословицы гласят: «Можно усмирить Поднебесную, но нельзя усмирить ки-

тайскую кухню», «Лучше собирать зерно, чем копить золото», «Кусочек поля стоит кусочка неба», «Лепешки, нарисованные на стене, легко увидеть, да трудно съесть», «Много людей – хорошо работать, мало людей – хорошо есть», «Хороший завтрак не заменит хорошего обеда», «Тысячу смертей можно снести, один голод трудно стерпеть» [1].

Национальный язык тесно связан с международным престижем и репутацией страны. Прививая интерес к определенной национальной культуре, можно сформировать интерес и к языку. Повышенный интерес лингвистов и методистов к национально-культурной специфике языкового содержания делает актуальным обращение к самым разным фрагментам национальной языковой картины мира. Каждый из таких

фрагментов свидетельствует о самобытности и богатстве этнических культур, а также о специфике национального сознания, по-своему отражающего и членищего окружающую действительность.

Разные грани системности образного строя языка описываются в работах, посвященных языковой метафоре, образной лексике и фразеологии, когнитивным и лингвокультурологическим аспектам языкового миромоделирования [2]. Под образным строем языка мы понимаем закрепленную в узусе национально и культурно исторически обусловленную систему образов, метафорически реализованную в семантике единиц лексико-фразеологического уровня языка, регулярно воспроизводимую в актах коммуникации и формирующую языковую картину мира носителей языка [3].

Минимальными единицами понятийного пространства образного строя языка выступают типовые для определенной культуры образные представления. Это вторичные ментальные образы, основанные на «совмещении двух картин»: первичного чувственно воспринимаемого образа, характеризующего номинируемый концепт, и самого образно номинируемого концепта на основании реальной или мнимой общности их характеристик. Например, образные слова китайского языка «甜言蜜语» [tiányánmìyǔ] (сладкоречивый, о человеке, его манере общаться), «嘴甜» [zuǐtián] (сладкогласный, приторный), «笑(长)得很甜» [xiàozhǎngdehěntián] (улыбка такая сладкая, чрезмерно ласковый, любезный, умильный), «生活甜美» [shēnghuótiánměi] (сладкая жизнь, в зн. жить припеваючи) выражают образное представление, ассоциативно связывающее впечатление, производимые голосом, манерой речи, образа жизни и поведения со вкусовыми ощущениями от сладких продуктов.

Минимальными единицами языковой экспликации типовых образных представлений являются образные слова и выражения. Комплексные единицы образного строя языка представлены различными типами образных парадигм, которые исследователями часто интерпретируются как образные или метафорические поля, объединенные на основании семантической общности тех или иных элементов образных представлений [4].

Образная лексика и фразеология как особый класс языковых единиц неоднократно выступали объектом многоаспектных лингвистических и лингвокультурологических исследований на материале различных языков [5]. Исследова-

телями отмечались такие качества образных средств языка, как метафоричность, мотивированность и идиоматичность семантики; наличие чувственно-наглядного компонента значения; выражение эмоционально-оценочного отношения к называемому явлению со стороны говорящего. В силу этих качеств именно образный словарный фонд языка обладает наибольшей национальной специфичностью и передает системой своих значений культурно окрашенный образ мира, отразившийся в языке.

К числу образных лексических средств традиционно относятся:

1. Слова с переносно-образным вторичным значением, или языковые метафоры – «食粮» [shíliáng], «азық» (пища) – то, что служит источником для чего-либо; «精神食粮» [jīngshénshíliáng] духовная пища, «ақыл азығы» – пища для ума; «嚼» [jiáo] (жевать) в значении расхотеть, тратить, «жыны қайнау» (букв. дух вскепятился) в значении дойти до точки кипения, сильно разозлиться.

2. Слова с первичным образным значением, возникшим в результате метафорического словопроизводства, или собственно образные слова – «тойдыру» (надоесть, наскучить, потерять привлекательность, словно переест), «тіс қайрау» (букв. точить зубы, в зн. иметь зуб, испытывать неприязнь к кому-либо за что-либо, желание причинить вред); «吃食堂» [chīshítáng] (букв. питаться столовой, в зн. кушать в столовой), «吃官司» [chīguānsi] (букв. питаться судебным процессом, в зн. 1) попасть под суд; 2) судиться; 3) быть приговоренным к уголовному наказанию), «吃闭门羹» [chībiméngēng] (букв. съесть суп из закрытой двери, обр. поцеловать замок (пробой); уйти ни с чем, получить от ворот поворот), «吃鸭蛋» [chīyādàn] (букв. съесть утиное яйцо, в зн. получить плохую оценку, получить ноль баллов) [6].

Образные выражения представлены устойчивыми образными сравнениями, идиомами, половицами и оборотами речи: «тісі шыққан балаға шайнап берген ас болмас» (для ребенка, у которого прорезались зубы, разжеванная пища – не пища); «一口吃不胖子» [yīkǒuchībùchéngpàngzi] (букв. откусив раз, толстым не станешь, в зн. успех – это всегда результат долгой работы).

Образные средства языка реализуют в своем значении ассоциативное сближение разнородных объектов и явлений действительности на основании их реального или воображаемого ассоциативного сходства. Они воплощают в языке когнитивную метафорическую модель:

именуют и характеризуют одну понятийную область «в терминах» другой понятийной области [7]. Например: «тіл емізу» (букв. кормить языком, в зн. давать обещания, не выполняя их, кормить обещаниями), «қан ішу» (букв. пить кровь, в зн. злить кого-то), «қамырша ілеу» (букв. замесить как тесто, в зн. сильно отругать); «啃书本» [kěn shūběn] (букв. грызть книги, в зн. корпеть над книгами; зубрить; начётничество), «吞并» [tūnbìng] (букв. глотать стоящего рядом, в зн. поглощать, присваивать, насильственно присоединять), «噎人» [yē rén] (букв. подавиться, в зн. перекричать других).

Определённый научный интерес представляет исследование кулинарного кода культуры в семантике образных слов и выражений в силу своей малоизученности и высокой культурологической значимости.

Как в казахском, так и в китайском языке встречается немало образных слов, называющих продукты питания, а также образных обозначений, характеризующих различные явления окружающего мира посредством кулинарной метафоры. Это свидетельствует о ценностной значимости гастрономической сферы в практической жизнедеятельности человека и культурологической значимости национальной кухни как символического (образного, обрядового, ритуального) кода культуры [8].

Факт метафорической номинации свидетельствует об особом отношении субъекта языка к называемому объекту, получающему в результате образной интерпретации, закреплённой в наименовании, чувственно-наглядную или экспрессивно-оценочную характеристику.

Зачастую уподобление такого рода фразеологизмов связано с моделированием сфер жизни, недоступных чувственному восприятию: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой, интеллектуальной, социальной, абстрактно-категориальной, – по образу и подобию явлений предметного мира. Так, кулинарные образы могут быть задействованы при характеристике:

1) внешнего вида человека: «қалқан» (щит) → «қалқан құлак» (лапоухий), «қазан» → «қазан бас» (большеголовый); «橘子皮» [júzǐ pí] (апельсиновая корка) → «脸像橘子皮» [liǎn xiàng júzǐ pí] (прищавое лицо), «豆芽菜» [dòuyá cài] (салат из бобовых ростков) → худой и высокий человек;

2) эмоциональных состояний и выражения эмоций: «малтасын езу» (бессмысленно повторять от волнения), жыны қайнау (злиться); «装

蒜» [zhuāngsuàn] (прикидываться дураком, разыгрывать из себя непонятливого);

3) черт характера и нравственных качеств человека: шикі (неопытный); 闷葫芦 [mèn húlú] (букв. закупоренная тыква-горлянка, в зн. молчун), 滚刀肉 [gǔndāo ròu] (скандалист, интриган, ловкач, ловчила);

4) явлений, относящихся в различным сферам жизнедеятельности человека: межличностные отношения, социальная деятельность т.п.: «арасына от салу» (в зн. пускать огонь раздора), «от алуға келу» (спешить), «дәм-тұзы жарасу» (жить душа в душу), «揩油» [kāi yóu] (букв. снимать сливки, в зн. поживиться за чужой счёт, нагреть руки).

Группы образных слов и выражений, вариативно реализующие сходные образные представления в рамках устойчивых метафорических моделей, составляют образные лексико-фразеологические парадигмы, которые в зависимости от семантической близости образного основания с единицами других подобных парадигм могут объединяться в более крупные языковые структуры – образные лексико-фразеологические поля [3]. Например, все образные средства языка, реализующие в качестве образного основания представления о приготовлении пищи и блюдах национальной кухни, могут составить обширное лексико-фразеологическое поле кулинарных конотаций. Так, представления о кулинарных блюдах или продуктах питания, включающие знания об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре и т.п., связаны также с процессуальными ситуациями приготовления блюд из определенных продуктов и их поглощения субъектом с учетом всевозможных обстоятельств этих процессов.

Составляя жизненно важную потребность человека, пища является, с одной стороны, непременным атрибутом его повседневной жизни, а с другой – значимым объектом в обыденной картине мира. Безусловно, это проявилось в языке и закрепились в языковой картине мира следующим образом:

1. Кулинарная лексика часто является производной и образно мотивированной, сохраняет живую внутреннюю форму слова: «蚂蚁啃骨头» [mǎyǐ kěn gǔtǒu] (посл. муравей кость точит, в зн. упорством и настойчивостью добиваться успеха).

2. Кулинарная лексика часто служит источником образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений дей-

ствительности: «қазанның күйесіндей қап-қара» (черный, как сажа на казане); «吃醋» [chīcù] (пить уксус, в зн. ревновать, быть ревнивым), «油条» [yóutiáo] (букв. хворост, полоски из теста, в зн. опытный, умудрённый, повидавший виды (о человеке)).

3. Кулинарная лексика входит в состав фразеологизмов и устойчивых сравнений: «құрғақ қасық ауыз жыртады» (букв. сухая ложка режет губы, в зн. подать руку помощи), «үй болған соң, шыны-аяқ сылдырламай тұрмайды» (букв. не бывает дома без дребезжания посуды, в зн. милые бранятся – только тешатся); «备尝艰辛» [bèi cháng jiǎnxīn] (в зн. перенести страдания), «饱食终日, 无所用心» [bǎo shí zhōngrì, wú suǒ yòng xīn] (наедаться досыта и жить без всяких забот; набивать себе живот и бездумно существовать; сладко есть и ничем не заниматься; жить в сытости и праздности).

Кулинарная лексика и фразеология как в прямом исходном, так и в переносно-образном употреблении обладает ярким национальным колоритом, всегда оказывается национально окрашенной и согласно «лингвострановедческой теории слова» (В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) содержит так называемый «культурный» или «страноведческий» компонент.

Многие наименования блюд национальной кухни, послужившие источником образного именования и характеристики, являются безэквивалентными. Они не имеют семантических аналогов в других языках и заимствуются в случае распространения этого блюда или продукта, как произошло с заимствованиями в китайском из казахского (皮饺子 [píyázi] → пияз (лук), 囊 [náng] → нан (лепешка), 纳仁 [nà rén] → нарын (сочни)). В системе обыденных представлений человека о мире образ определенного этнического сообщества (народа или государства) неразрывно связан со сложившимися в родной культуре устойчивыми социокультурными стереотипами, в число которых входят традиционные продукты питания и блюда национальной кухни. Они выступают своеобразными «маркерами» национальной идентичности и самоидентичности, входя в систему образных средств языка и паремиологический фонд (в состав устойчивых фольклорных формул, пословиц, поговорок): «арпа-бидай ас екен, алтын-күміс тас екен» (ячмень и пшеница – пища, золото и серебро – камни); «生米煮成熟饭» [shēngmǐ zhǔchéng shúfàn] (из сырого риса уже сварена каша, обр. сделанного не воротишь, оказать-

ся перед совершившимся фактом). Еда в целом является символом богатства, изобилия, благополучной жизни, с чем связана традиция много есть в праздники, на свадьбе, на поминках.

Тем не менее существует и категория абсолютных эквивалентов с казахского языка на китайский. Например: в казахском языке есть такие пословицы, как «аш қадірін тоқ білмес» (сытый голодного не уразумет), «аш бала тоқ баламен ойнамайды, тоқ бала аш баланы ойламайды» (голодный ребенок не играет с сытым ребенком, сытый ребенок не думает о голодном ребенке) → в китайском языке «饱汉子不知饿汉子饥» [bǎo hànzi bùzhī è hànzi jī] (сытый голодному не товарищ); также «иттің басын алтын табаққа салса, шоршып түседі» (метать бисер перед свиньями) → «对牛弹琴» [duì niú tán qín] (букв. играть на цитре перед быком, обр. метать бисер перед свиньями), «对驴说经» [duì lú shuō jīng] (букв. читать ослу буддийский канон, обр. метать бисер перед свиньями) имеет идентичное значение.

Следовательно, названия продуктов питания, блюд и кушаний, их качеств, а также процессов их приготовления и употребления обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой, а в своем образном функционировании отражают особенности национального мировидения и миропонимания, служат ярким примером образного отражения действительности в языке, формируют метафорический фрагмент национальной картины мира. Лексико-фразеологическое поле, эксплицирующее систему образных и символических смыслов, связанных с блюдами традиционной кухни, а также их функционирование на бытовом и сакральном уровнях, воплощает «кулинарный код» национальной культуры, который можно рассматривать как средство национальной идентификации и самоидентификации.

Таким образом, в процессе обучения необходимо учитывать национально-культурную специфику кулинарных образов, отражающую важный фрагмент этнической культуры, а также особенности национального познания окружающего мира. При сопоставлении кухонной терминологии китайского и казахского языков выявились не только неповторимые черты жизни китайского и казахского народов, но и особенности различного видения сходных для культур явлений, что обязательно должно быть учтено при создании учебных материалов, пособий и словарей.

Литература

- 1 Даулетова Ф.Н. Китай: мифы и реальность. – Алматы: Издательская компания «Жизнь», 2005. – 260 с.
- 2 Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. – 193 с.
- 3 Юрина Е.А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 155 с.
- 4 Там же.
- 5 Складьяревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
- 6 杨德峰. 汉语与文化交际. 商务印书馆, 2012. – 280 页.
- 7 Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – С. 185-189.
- 8 Банкова Т.Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке // Вестник Том. гос. ун-та: Бюл. операт. науч. информ. «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». – 2006. – № 112. – С. 20-33.

References

- 1 Dauletova F.N. Kitaj: mify i real'nost'. – Almaty: Izdatel'skaja kompanija «Zhizn'», 2005. – 260 s.
- 2 Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Russkaja politicheskaja metafora: materialy k slovarju. – M.: In-t rus. jaz., 1991. – 193 s.
- 3 Jurina E.A. Obraznyj stroj jazyka. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. – 155 s.
- 4 Tam zhe.
- 5 Skljarevskaja G.N. Metafora v sisteme jazyka. – SPb.: Nauka, 1993. – 151 s.
- 6 杨德峰. 汉语与文化交际. 商务印书馆, 2012. – 280 页.
- 7 Baranov A.N. Oчерk kognitivnoj teorii metafory // Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju). – M., 1991. – S. 185-189.
- 8 Bankova T.B. Kulinarnyj kod sibirskih semejnyh obrjadov: ob#ektivacija v jazyke // Vestnik Tom. gos. un-ta: Bjul. operat. nauch. inform. «Obrjadovoe slovo kak jazykovoj i kul'turnyj fenomen: status i regional'naja specifika». – 2006. – № 112. – S. 20-33.